

На пути к неизбежному Крым и Российская империя, 1774—1783 гг. Владимир Дегоев. Дружба народов, 2011, 11

Владимир Дегоев

На пути к неизбежному Крым и Российская империя, 1774—1783 гг.

Дружба народов, 2011, 11

оригинал на сайте: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2011/11/de12.html>

проф. д.и.н. Владимир Дегоев: <http://mgimo.ru/users/document1312.phtml>

Продолжение цикла очерков. Начало см. ДН, 2011, № 4, 7.

С 1991 года в мировой гуманитарной науке резко актуализировался интерес к изучению феномена империи. Уж коли такой казавшийся незыблемым колосс, как СССР, рухнул в одночасье, то, значит, подобные геополитические сооружения приговорены к гибели самой историей. К такому выводу пришли многие интеллектуалы. Поначалу. А потом, когда они перевели ликующий или печальный (это уж у кого как) взор с дымящихся обломков советской империи на окружающий мир, то обнаружилось, что продолжают жить, процветать, диктовать свою волю США, Европейский союз, невиданными темпами поднимаются к статусу могущественных держав Китай, Индия, Бразилия. Да и Россия, оказываясь, осталась самым крупным по территории и природным богатствам государством, сохранившим и огромный потенциал, и реальные преимущества в некоторых отраслях экономики и обороны.

Возник вопрос: как назвать эти государства? Сдается, что под какое-то из существующих многочисленных определений УимперииФ они Ч в той или иной степени Ч подпадают. Правда, официально именовать себя так в XXI веке вроде бы неполиткорректно. Выход из положения легко нашли как всегда ни за что не отвечающие журналисты, которые совершенно вольготно употребляют слово УимперияФ, зачастую притворяясь, будто это Ч метафора, но понимая скрытый за ней смысл.

Разумеется, изучать империи вне исторического контекста невозможно. И тут начинается, пожалуй, самое любопытное. По крайней мере, такое ощущение возникает, когда читаешь некоторые работы наших российских исследователей. Крушение Российской империи в 1917 году они считают математически закономерным явлением (что это великое благо, вообще не вызывает у них ни малейших сомнений). Отсюда исключительно высокая (если не сказать маниакальная) концентрация профессиональных усилий на выстраивании доказательств изначальной нежизнеспособности, мертворожденности, патологичности русского государства, якобы стоявшего вдалеке от столбовой дороги европейской (других, конечно, не существует) цивилизации.

Но дело даже не в этом. Ремесло историка обязывает его придерживаться хотя бы элементарной логики. А логика подсказывает: если гигантский государственный организм разрушается в соответствии с определенными историческими законами (предположим, они существуют), то, стало быть, возникать и развиваться он тоже не может вопреки этим законам. А то ведь получается, что в русско-российской истории естественны и органичны (слова С.М.Соловьева) только ее неестественность и неорганичность (а это уже совсем не Соловьев), якобы бросающиеся в глаза на фоне мирового исторического процесса. УОсобенную статьюФ Российской империи многие видят в ее чуть ли не спортивной страсти к завоеваниям, ксенофобии, культурном неприятии УчужогоФ, фанатичном стремлении искать свой путь и т.д. Этому мифу столько же лет, сколько и западной русофобской традиции. Разделять ее или нет Ч вопрос вкуса в одних случаях и

гражданской совести Ч в других.

Речь не о симпатиях и антипатиях. А о чем же? Так и напрашивается: УЕа о строго научном подходеФ. Но, по большому счету, и не о нем тоже. У автора куда более скромная цель Ч предложить тем, кому попадет на глаза этот текст, спокойно, без великодержавного экстаза или пафосного покаяния, взглянуть на отчасти уникальную, отчасти банальную историю рождения и становления Российской империи, которая, обзаводясь новыми территориями, действовала, как показывает пример с присоединением Крымского ханства, гораздо аккуратнее и милосерднее, чем другие великие державы в аналогичных ситуациях.

* * *

Крымское ханство исторически было проблемной территорией не только для России, что понятно, но и для Османской империи. Беспокойный и строптивый вассал, оно создавало для Стамбула массу хлопот своими междоусобными распрями, на которые султану приходилось отвлекать значительную часть своего внимания Ч чем дальше, тем больше. Частые отстранения от власти одного хана и выборы другого происходили под давлением целого комплекса обстоятельств как внутривосточного, так и внешнего происхождения. В эту ставшую рутинной процедуру активно вовлекалась правящая верхушка Турции, придавая и без того сложным, с сильной примесью межличностного фактора, крымско-османским интригам еще более запутанный характер. Вмешиваясь в дела вассального государства с целью приведения их в элементарный порядок, Порты фактически достигала обратного результата Ч усугубляла симптомы наступавшего там хаоса. У султана была одна забота Ч поскорее выдать инвеституру новоизбранному хану и получить хотя бы на какое-то время передышку от бахчисарайских проблем.

Но и обойтись без Крыма Стамбул не мог никак. Сложившаяся в течение нескольких столетий традиция вассально-сюзеренных отношений между ними лишь отчасти объясняет этот императив. Главное Ч в другом. Крымское ханство играло роль важнейшего геополитического филиала Османской империи в Северном Причерноморье, позволявшего контролировать громадное пространство южной Евразии. Добровольно расстаться с таким ресурсом означало пойти на демонтаж имперской конструкции. До (приблизительно) 70-х годов XVIII века Порты была к этому не готова, хотя есть основания предполагать, что уже в 30-е годы она не исключала возникновения такой ситуации, когда придется взвешивать на самых строгих весах Ч весах судьбы Ч выгоды и издержки владения Крымом.

Политические итоги войны

Русско-турецкая война 1768Ч1774 гг. стала естественным катализатором тех процессов, которые шли в Крымском ханстве уже давно и не сулили ему, с точки зрения сохранения государственности, ничего хорошего. Острейшие внутрисобицы разбушевались там еще до наступления русской армии. В условиях, когда ханская власть уже мало что значила, борьба за нее продолжалась по инерции. Порты не знала, на ком из претендентов остановить свой выбор. Их количественный избыток обесценивался дефицитом качества. Жаждавших властвовать было сколько угодно. Не было способных властвовать в ситуации всеобщего кризиса, усугубляемого войной.

Крымское войско уже забыло о своем прямом предназначении, расколовшись на группировки и превратившись в орудие борьбы за ханский престол, в которой воины растрачивали свой боевой дух, и без того не высокий.

Подлинным бичом крымского государства стал сепаратизм Ч один из традиционных источников и неотлучных спутников центробежных процессов в сложносоставных политических образованиях. Возглавили Усепаратистское движениеФ ногайцы, основное население Северного Причерноморья от устья Дуная до Кубани.

При всем хаосе, имевшем место в Крыму, нельзя сказать, чтобы в сознании местной политической элиты вообще отсутствовали идеи о спасении государства. Правда, эти идеи, содержавшие прямо противоположные варианты этого самого спасения, не сплывали, а лишь углубляли раскол. Одна из них многим показалась вполне здоровой и перспективной. Суть ее заключалась в том, чтобы Уклин вышибать клиномФ, то есть сохранить государство путем нейтрализации внутривполитического (того же ногайского) сепаратизма внешнеполитическим. Иначе говоря, провозгласить полную независимость Крымского ханства от Османской империи и признать в качестве верховного сюзерена Россию.

При таком раскладе Петербург, как надеялись определенные силы в Бахчисарае, окажется заинтересованным в восстановлении прежних границ Крыма, возвращении под ханский скипетр ногайцев, поддержании единства, целостности и внутренней стабильности в новом вассальном государстве.

Этот проект вызвал энтузиазм у значительной части крымской знати, и она стала отдавать предпочтение тем кандидатурам на ханский престол, которые ориентировались на Россию.

Идея приглянулась и Екатерине II, но о том, как развивать ее дальше, императрица пока не имела четкого представления. Лишь в исторической ретроспекции может возникнуть впечатление, будто столь трогательная забота государыни о едином и неделимом Крымском ханстве была не более чем временная, частная жертва во имя большой стратегической цели Ч присоединения Крыма к России и полного упразднения его независимости. Если у нее были такие планы, то появились они гораздо позже под влиянием обстоятельств, о которых мы и намерены говорить.

Торопить события императрица явно не хотела. И, похоже, правильно делала: они и без ее участия развивались стремительно. В Бахчисарае переворот следовал за переворотом. Стамбул и Петербург не успевали даже следить за этим, и порой трудно было сказать, кому из них Крым доставлял большую головную боль. УХаны на часФ, за редкими исключениями, не обременяли себя сложными политическими расчетами, а их житейские планы вообще ограничивались принципом Упосле меня Ч хоть потопФ.

Это создавало огромные неудобства и для России, и для Турции. Каждой стороне требовался на ханском троне не просто свой ставленник, а правитель хотя бы с минимальными способностями к организации чего-либо еще, кроме разворовывания казны и нескончаемых оргий в Бахчисарайском дворце.

Для Порты обстановка становилась все критичнее от того, что число ее сторонников в крымском обществе быстро сокращалось по мере приближения русских войск, сопровождавшегося умелыми действиями русской дипломатии. В результате среди населения Крыма практически не осталось желающих воевать против России. Летом 1771 года ее армия беспрепятственно заняла ключевые стратегические точки полуострова.

И УверхиФ, и УнизыФ местного общества не только не оказали сопротивления, но и восприняли русских с облегчением и надеждой на то, что в Крымском ханстве прекратится беспорядок и наступит нормальная жизнь. Власть в Бахчисарае перешла в руки ставленника России Сахиб-Гирея II (1772Ч1775 гг.).

К концу осени 1772 г. почва для юридического оформления новой политической реальности в крымском вопросе была готова. 1 ноября в городе Карасу Сахиб-Гирей и русский представитель генерал Е.А.Щербинин подписали два документа: Декларацию об отделении Крыма от Османской империи и Союзный договор между Россией и Крымским ханством. Согласно этим актам, Крым провозглашался Унезависимой татарской областьюФ с полной внутренней автономией в вопросах власти, управления, Увсех вообще законов и обрядовФ. В эти вопросы Ч в первую очередь касающиеся правил и процедур избрания хана Ч не имели права вмешиваться ни Петербург, ни Стамбул. Вместе с тем Россия брала на себя роль гаранта татарской УвольностиФ и обязательства по ее защите. Для выполнения этих функций в распоряжение русских войск передавались крепости Еникале и Керчь.

В статье третьей Союзного договора указывалось, что Увсе татарские и черкесские народыФ, находившиеся до войны в зависимости от крымского хана, возвращаются под его власть. Это был щедрый (пусть и временный) подарок для фактически уже распавшегося государства, неурочную и неподготовленную гибель которого Екатерина II считала совершенно невыгодной для себя.

Немудрено, что султан Мустафа III решительно отверг русско-крымское соглашение и предпринял попытку восстановить свое влияние в ханстве. Он выдвинул на ханский престол своего

приближенного Ч Девлет-Гирея, дал ему денег, большое войско и послал на Тамань. К кабардинским и дагестанским владетелям были направлены турецкие эмиссары с дорогими подарками и султанскими грамотами, призывавшими сплотиться в военный союз против России.

В марте 1774 года корпус Девлет-Гирея выступил из Тамани на восток и начал не столько вести, сколько имитировать военную кампанию. Помимо прочего, ему надо было оправдать в глазах Порты внушительные средства и силы, предоставленные в его распоряжение.

Встреч с русскими войсками Девлет-Гирей явно не искал. Он сосредоточился на карательных экспедициях против ногайских, черкесских и кабардинских союзников России, чтобы примерное их наказание стало остражкой для тех, кто искусится дружбой с гяурами. В июле-августе 1774 г. османско-крымские войска были разбиты и изгнаны из Кабарды.

Новый турецкий султан Абдул-Хамид I (1774-1789 гг.), сменивший умершего в 1773 году Мустафу III, счел за благо подписать мирный договор с русскими, на который его предшественник упорно не соглашался. Это произошло 10 (21) июля в османской (болгарской) деревушке Кючук-Кайнарджи.

Обе стороны признавали независимость Крымского ханства почти в тех же формулировках, что содержались в договоре, заключенном в Карасу. Применительно к Северному Кавказу это означало, что территории Кубанской орды, располагавшиеся на востоке от Азовского моря между реками Кубань и Ея, включая Таманский полуостров, оставались под юрисдикцией крымского хана. Хан получил право распоряжаться подвластными ему землями по своему усмотрению, в том числе Ч передавать их России.

Проблемой номер один был получивший после договоров 1772 и 1774 годов УнезависимостьФ Крым. В таком статусе он, как подозревали многие, будет доставлять России и Турции не меньше, если не больше, хлопот, чем раньше. В исторически необратимую фазу анархии и распада государственности Крым вступил уже давно. УнезависимостьФ лишь ускорила течение этого злокачественного процесса.

Кроме того, Петербург, похоже, не заметил, какую ошибку он допустил, оставив в вышеуказанных соглашениях пункт о праве турецкого султана сохранить свое главенство в духовных делах ханства. Учитывая, что ислам Ч не только религия, этот пункт по существу официально санкционировал вмешательство Порты в крымскую политику, чем та не преминула воспользоваться к вящему неудовольствию Екатерины II.

Смысл сделанной Россией УуступкиФ образно растолковал один бахчисарайский источник (70-е годы XVIII века), заметив, что, согласно духу этих двух русско-турецких договоров, положение любого хана Убудет похоже на состояние человека, у которого над головой висит большой и плохо прикрепленный камень, могущий всякую минуту его задавитьФ.

Однако и без этого дамклова меча ситуация в Крыму уже прошла Уточку невозвратаФ и неминуемо приближалась к краху. Последствия УнезависимостиФ не заставили себя ждать. Усилились смута, хаос, борьба за власть, невзирая на то, что, по свидетельству османских хронистов, Уханское звание потеряло всякий смыслФ. В одном историческом источнике крымский народ характеризуется как Ууже обвыкший по несколько раз в год свергать хановФ.

Как, быть может, ни странно, такое состояние, не сговариваясь, пытались преодолеть и Россия, и Турция. Понятно, что элементарный порядок, который они хотели там восстановить, Петербург и Стамбул намеревались использовать с диаметрально противоположными целями. Это обстоятельство служило источником высокого напряжения между двумя державами.

Екатерина II по возможности старалась не обострять ситуацию. После тяжелой шестилетней войны России требовалась передышка. Однако пускать крымские дела на самотек императрица тоже не хотела, тем более что тамошние события развивались не в пользу России.

Девлет-Гирей: импровизации на шатком троне

В 1775 году Порты с помощью интриг, денег, довольно искусных политических маневров и пропаганды привела на ханский трон своего ставленника Девлет-Гирея IV (1775-1777 гг.), хотя еще накануне османские власти с Удружеской откровенностью обещали Петербургу не допустить этого.

Девлет-Гирей, хотя и считался проосманской фигурой, был не вполне удобен для Порты. Человек неглупый, волевой и очень амбициозный, он стремился к максимально возможной в тех условиях самостоятельности. Откровенными попытками сближения с Петербургом хан намеревался уравновесить давление Порты и успешно балансировать между двумя державами в интересах сохранения власти. Ни Россия, ни Турция ему не доверяли. Последняя, не успев дать санкцию на избрание Девлет-Гирея, уже стала подумывать о замене его другим ставленником.

Турции война с русскими тоже пока была ни к чему. Ей требовалось время, чтобы оправиться от поражения и стабилизировать обострившиеся отношения с Ираном. Несмотря на тайные призывы прусских и французских дипломатов к реваншу, Порты старалась вести себя осмотрительно. Правда, ее искушали еще и слухи о приближающейся войне России со шведами и поляками.

Так или иначе, шаткое, но все же равновесие между Россией и Турцией в крымском вопросе удерживать удавалось. Но продолжаться вечно это не могло. И дело было не столько в русско-турецком соперничестве, сколько в особенностях внутреннего развития УнезависимогоФ Крымского ханства, контролировать которое извне становилось невозможным.

Петербургу в принципе нужна была в Крыму более или менее устойчивая обстановка, не требовавшая его срочного и энергичного вмешательства. Отсюда крайняя осторожность, предписанная русским войскам, расквартированным на периферии Крымского полуострова, а также первоначальное нежелание поддерживать Шагин-Гирея Ч соперника Девлет-Гирея в борьбе за ханский трон.

Шагин-Гирея, человека чрезвычайно амбициозного, это не смущало. В 1775 году он начал открытую борьбу против Девлет-Гирея, опираясь на своих сторонников. Часть их он нашел в Тамани и на Северо-Западном Кавказе. Эти земли не впервые становились для кандидатов на ханский престол военно-политическим и социальным плацдармом. (Отсюда, кстати, начинал свой поход во власть и Девлет-Гирей.) Хотя беспорядка там было никак не меньше, чем в Крыму, Шагин-Гирею в данном случае это было даже на руку, поскольку давало возможность обзавестись достаточным количеством приверженцев, готовых провозгласить (и вскоре провозгласивших) его ханом.

По мере возрастания политической активности Девлет-Гирея Екатерина II стала принимать более деятельное участие в судьбе его конкурента Шагин-Гирея, чтобы татары не уловлены были тайными Порты Оттоманской коварствами в прежнее порабощениеФ.

Как бы ни хотела Екатерина II иметь на ханском престоле своего ставленника, в ее отношениях с Портой это была не ключевая проблема. Гораздо более важной императрица считала задачу добиться от султана четкого соблюдения Кючук-Кайнарджийского договора, случаи нарушения которого множилось. Не всегда османское руководство было повинно напрямую, но, как правило, оно вольно или невольно поощряло нарушителей. К числу совершенно осознанных действий, шедших вразрез с условиями мира, относилось нежелание выводить османские войска из Крыма и с Таманского полуострова, а также поощрение бахчисарайской делегации, находившейся в Стамбуле в надежде на помощь Турции против России.

Стамбул не спешил выполнять условия мирного договора, явно решив прощупать общее настроение Екатерины II, степень ее расположенности к уступкам и пределы ее терпимости к стремлению турок сохранить свое присутствие в Крыму и на Северо-Западном Кавказе. Порте удалось втянуть Петербург в вязкий дипломатический диалог, который она вела в ленивом темпе, уклоняясь от прямых ответов, демонстрируя искусство непонимания ясной и простой позиции оппонента. Вывести переговоры из тупикового русла в конструктивное Порты соглашалась лишь при условии, что Петербург пойдет на пересмотр итогов войны.

Расстановка политических сил в Крыму складывалась не в пользу России. Порты продемонстрировала свою УверностьФ Кючук-Кайнарджийскому договору тем, что отправила Девлет-Гирею Уподарки, превосходящие присланные от нее Сахиб-ГиреюФ Ч в знак официального утверждения его в достоинстве хана. Для русских дипломатов это не было неожиданностью. Чтобы предположить со стороны Турции нечто подобное в принципе не требовалось сверхпроницательности, поскольку ее лицемерие имело глубоко рациональную основу. Турки попросту не могли удержаться от помощи Девлет-Гирею, который сделал своим главным предвыборным козырем клятвенное обещание уничтожить якобы ненавистную татарам

независимость.

Исполнение этого обещания Девлет-Гирей вполне логично связывал с распространением своей власти или влияния на земли в пределах исторических границ Крымского ханства. Девлет-Гирей стремился взять под свой контроль все это пространство и распоряжаться им совсем не так, как это было предусмотрено Кючук-Кайнарджийским договором. Порта лишь приветствовала такое направление мыслей и оказывала своему ставленнику всяческую моральную поддержку, которая ощутимо дополнялась военной и финансовой.

Осуществляя политику собирания крымских земель и восстановления османского вассалитета, Девлет-Гирей использовал традиционные средства. Чтобы напомнить ногайцам и черкесам об исторической территории распространения ханского УсуверенитетаФ и заодно заставить забыть об итогах русско-турецкой войны, Девлет-Гирей прислал на Кубань своего сераскера (читай Ч губернатора) Тохтамыш-Гирея. Тот, обосновавшись в Таманской крепости, где, помимо собственного войска, в его распоряжении находились 200 турецких янычар под видом купцов, развил энергичную деятельность по созданию татарско-черкесского военно-политического союза под эгидой крымского хана. Первой попыткой опробовать этот союз в деле явилось нападение на Шагин-Гирея и полное разграбление его временной резиденции Ч города Копыла.

Данная акция, как бы она ни задевала самолюбие Петербурга, была абсолютно логичной с политико-стратегической точки зрения. Девлет-Гирею требовалось во что бы то ни стало избавиться от соперника, претендующего на его место. Шагин-Гирей представлял опасность не столько сам по себе, сколько поддержкой, которую ему оказывала Россия и которая в известном смысле являлась для бахчисарайского правителя предметом зависти. Убрав конкурента, Девлет-Гирей открыл бы для себя возможность самому стать подопечным Петербурга.

Динамика развития ситуации, как видно, выглядела не самым обнадеживающим для России образом. Но переламывать ее в свою пользу с помощью военного вмешательства Екатерина II по-прежнему не хотела. Императрица велела своему чрезвычайному послу в Стамбуле Н.В.Репнину требовать скорейшего очищения Таманского полуострова Удо последней ноги турецких войскФ, а также полного отказа турок от вмешательства во внутренние проблемы Крыма и Северо-Западного Кавказа.

Однако логика развития событий делала для России очевидной невозможность бесконечно оставаться на оборонительных и умиротворительных позициях. Покушение на Шагин-Гирея являлось открыто враждебным актом, извиняться за который Порта и не думала. Более того, она предъявила Н.В.Репнину упреки по поводу русского вмешательства в ногайские дела.

На все симптомы растущей напряженности императрица решила искать такой ответ, чтобы общая ситуация осталась под контролем и в то же время не пришлось ради этого жертвовать влиянием и авторитетом России.

Во-первых, была активизирована политика, направленная Ук приобретению между тамошними народами (крымскими татарами, азовско-кубанскими ногайцами и черкесами. Ч В.Д.) к стороне нашей доброхотства и приверженностиФ.

Во-вторых, Девлет-Гирею был предъявлен официальный протест, в котором он прямо обвинялся в организации нападения на русский конвой, приставленный к Шагин-Гирею для его безопасности. Этот шаг квалифицировался как оскорбление Увысокого Российского Императорского двораФ и провокация, направленная на обострение русско-турецких отношений, поскольку ее преподнесли всем так, будто она совершена с санкции Порты. Петербург не скрыл своего недовольства тем фактом, что Девлет-Гирей фактически узурпировал бахчисарайский престол, Уприсвоив себе ханское правлениеЕ непорядочным образомФ и не Упо желанию всех крымских поколений (орд. Ч В.Д.)Ф.

В-третьих, Н.В.Репнину было предписано находиться в режиме постоянного диалога с османским правительством, чтобы оказывать сдерживающее влияние на местные горячие головы.

У российского посольства в Стамбуле работы явно прибавилось. В помощь Н.В.Репнину был направлен Уобыкновенный министр дружеского сношенияФ, то есть регулярный резидент А.С.Стахийев, призванный заниматься ежедневными посольскими делами. В начале 1776 г. именно он сообщал в Коллегию иностранных дел, что османское правительство Уне намерено отступить от своих беспутных и невежливых требований относительно татарФ.

Подтверждения не заставили себя ждать. В мае 1776 г. специальный представитель Абдул-Хамида

I (1774-1789 гг.) привез к Девлет-Гирею указ (хатти-шериф), утверждающий его в ханском достоинстве Упо прежнему обыкновениюФ. Указ был торжественно оглашен в присутствии всех крымских мурз и сановников. УПрежнее обыкновениеФ выражалось и в том, что Девлет-Гирею были вручены исторические символы султанского благословения на власть Ч кафтан, сабля и перо. Порта в полном объеме восстановила ритуал посвящения в ханы, имевший не только декоративную составляющую. Произошло то, на что и рассчитывали в Стамбуле: правящая элита Крыма однозначно восприняла это действие как свидетельство возвращения в османское подданство.

Порта осознанно шла на конфликт с Петербургом. В османской политике стали проглядывать такие черты, которые объективно указывали на активные приготовления к новой войне с русскими.

Несмотря на все эти крайне тревожные симптомы, трудно было понять, насколько твердо Порта взяла курс на разрыв с Петербургом. Она и сама этого не знала: факторы соблазна и страха находились в очень неустойчивом равновесии. Будучи совершенно неудовлетворенной многими положениями Кючук-Кайнарджийского договора, она стремилась к их ревизии и выжидала момент. Но воинственный порыв охлаждался воспоминаниями о недавнем печальном опыте общения с Россией на языке орудий, а также пониманием того, что у нее есть свои контрресурсы морально-политического и финансового характера, не говоря уже о могущественной армии. Эти диаметрально противоположные импульсы приводили к такой ситуации в османских правящих кругах, когда соотношение сил между партиями войны и мира колебалось, как качели. Картина, открывающаяся взору историка, и в самом деле отдает легким абсурдом. Порта Ч по всем признакам целенаправленно Ч обостряла отношения с Петербургом в самое неподходящее время, когда она еще не оправилась от тяжелейшей войны 1768-1774 гг., воевала с Персией и при этом все глубже погружалась во внутренние неурядицы.

Однако ни одно государство, в каком бы упадке оно ни находилось, не может позволить себе роскошь строить свою внешнеполитическую стратегию только на абсурде. Абдул-Хамид I и его окружение, конечно, анализировали ситуацию и старались действовать в соответствии с результатами этого анализа.

Самым вроде бы беспроницаемым является предположение о том, что существовал главный императив, которым руководствовалась или, во всяком случае, должна была руководствоваться Порта: если не остановить, то хотя бы сдержать распад Османской империи. Однако это для историка зачастую ничего не проясняет, а лишь множит вопросы, сомнения и недоумения относительно средств, выбранных для достижения цели.

Изучая политику османского правительства в Крыму и на Северо-Западном Кавказе после 1774 г., можно заметить, что охранительному императиву сопутствовали замыслы, которые одни предпочтут назвать реставраторскими, другие Ч реваншистскими. Какое понятие тут ни употребляй, не похоже, чтобы Абдул-Хамид I не осознавал всей опасности курса на заведомое провоцирование России. Ему не нужна была новая позорная война. Но проблема была еще и в том, что и унижительный мир, лишавший Османскую империю вассально-подвластных территорий, султана тоже не устраивал.

Выход, судя по всему, Порта искала в попытках перевести свои отношения с Петербургом в такое состояние, которое даст ей возможность повышать уровень напряжения, не доводя дело до открытого военного конфликта. Тем самым, путем своеобразного шантажа, основанного на посыле о том, что Россия тоже не горит желанием воевать, ей навязывался торг на предмет пересмотра условий Кючук-Кайнарджийского мира.

Делая подобные предположения, стоит сказать, что в своем расчете на миролюбие Екатерины II султан во многом оказался прав. Война оставалась для императрицы самой нежелательной развязкой, последней чертой отступления от стратегии поиска политических и дипломатических решений. Она не оставляла надежды уйти от столкновения с Турцией и в то же время склонить ее к соблюдению мирного договора. Это была не политика безусловного непротивления, а политика изощренного лавирования во избежание того, что совершенно не входило в планы императрицы на обозримое будущее.

В этих планах все более заметное место отводилось Шагин-Гирею как единственному на тот момент человеку, с помощью которого предполагалось сместить Девлет-Гирея Ч проводника интересов Порты, превратившего независимость Крымского ханства в фикцию.

Однако Шагин-Гирей был очень сложным объектом для манипуляций, особенно если они производились грубо и примитивно. Роль дисциплинированной марионетки его явно угнетала. В его амбициозном сознании роились фантастические проекты строительства под его монаршим скипетром и просвещенным руководством могущественной Крымской империи, контролирующей значительную, самую важную часть черноморско-каспийского пространства. Он мнил себя крупным

международным игроком, который заставит считаться с собой и Россию, и Турцию, и Европу. Шагин-Гирей был, конечно, умен, образован, обладал практической сноровкой и проницательностью в тактических вопросах. Но ему остро не хватало стратегического видения и реализма. Он почему-то вообразил, будто Екатерина II намерена бросить материальные и моральные ресурсы своего государства на осуществление идеи, принципиально расходящейся с национальными интересами России.

Оставлять в Бахчисарае прежнего правителя было опасно во всех отношениях. И сильный, и слабый, Девлет-Гирей представлял для России неразрешимую проблему. В первом случае Ч как полноценный союзник Порты, во втором Ч как ее послушный слуга. Екатерина II не сомневалась, что от него нужно избавляться, но пока не имела четкого и наименее рискованного плана действий.

Исторические документы содержат самые разноречивые сведения о настроениях крымского и кубанского населения, что, видимо, действительно свидетельствовало об их неустойчивости. Это сбивало с толку и русское командование. Имея надежных осведомителей на крымско-кубанском пространстве, оно, тем не менее, не могло составить ясной картины происходящего, поскольку такой картины в реальности не существовало. С одной стороны, к командиру русскими войсками в Крыму А.А.Прозоровскому приходили сообщения о том, что чуть ли не весь полуостров находится в радостном ожидании прихода Шагин-Гирея, с другой Ч он получал совсем другие известия, из которых следовало, что даже на Кубани, где калга-султан (в крымской политической иерархии такой титул принадлежал первой, после хана, персоне и наиболее вероятному наследнику власти; до избрания ханом калгой-султаном называли Шагин-Гирея) избран ханом, у него нет единодушной поддержки. Шпионские донесения о якобы готовящемся бегстве Девлет-Гирея из Бахчисарая и турок из Кафы тут же опровергались информацией противоположного свойства.

Чем дольше длился статус-кво, тем больше накапливался потенциал для разрушения хрупкого равновесия между приверженцами и противниками Девлет-Гирея, не в пользу последних. Для бахчисарайского правителя и его сановного окружения все более актуальным становился вопрос Ч почему русские не идут дальше Перекопа и Кубани? Ответ, казавшийся наиболее логичным, был таков: русские не хотят войны с Турцией. Значит, нужно этим воспользоваться, перехватить инициативу и перейти в политическое контрнаступление.

Впрочем, не только в политическое. Среди части крымской знати и общества наблюдался подъем воинственных настроений, подогревавшихся слухами о том, что турецкий Усултан обещался хану (Девлет-Гирею. Ч В.Д.) помощь давать. Прислать свои войска собирались также некрасовские казаки и абазинцы. Не остался безучастным и французский консул в Бахчисарае, внушавший хану идею о необходимости сопротивления России. В результате Девлет-Гирей, у которого, по словам одного русского информатора, Увсякий день разные мыслеположения происходили, стал более определенным в своих намерениях. Если раньше слышно было, будто он готов к бегству из Крыма, то в конце декабря 1776 г. появились сообщения о том, что хан распаковал баулы и думает уже совсем о другом.

Сторонники России откровенно говорили: есть лишь один способ свергнуть Девлет-Гирея Ч двинуть против него войска, Уа иначе он никак не оставит своего начальства.

Русские войска, однако, стояли без движения. Крайне негативный морально-политический потенциал этой совершенно непонятной для крымцев и кубанцев Устратегии необходимо было чем-то ослабить. Осознавшее это русское командование пыталось обнадеживать пророссийскую часть татарской знати соответствующими посланиями, подкрепляя их убедительными финансовыми и другими аргументами. Разумеется, такие паллиативы имели свой предел эффективности.

Изменить ситуацию могла лишь открыто продемонстрированная Екатериной II воля к действию. Конец колебаниям императрицы ознаменовался ее рескриптом фельдмаршалу П.А.Румянцеву от 13 января 1777 г. В преамбуле документа она полностью одобрила политическую деятельность своих генералов в Крыму и на Кубани. Государыня начертала целую программу дальнейших действий, сочетавшую четкие установки с глубоким пониманием необходимости творческого, гибкого подхода к их осуществлению.

Екатерина II отнюдь не рассталась со своим желанием Убойтись с Портою в настоящих хлопотах без разрыва драгоценного (курсив мой. Ч В.Д.) мира. Но среди ее приоритетов более актуальной теперь стала задача Ч не допустить, чтобы турки, явно взявшие курс на подготовку к реваншистской войне, застали Россию врасплох. Решать эту задачу предписывалось так: с одной стороны, учредить в Бахчисарае пророссийское правительство во главе с Шагин-Гиреем и тем самым лишить Порту крымского военно-политического плацдарма, а значит Ч искушения Уотваживать себя на новую тщетную войну; с другой Ч Упредуготовить на всякий случай и

способы, нужные и достаточные к отражению неприятельского нашествияФ.

В первую очередь императрицу заботил вопрос о том, чтобы как можно скорее и безопаснее переправить Шагин-Гирея с Кубани (где располагалась его резиденция) в Крым Убез всякого прикосновения к турецким войскамФ, находившимся на Таманском полуострове. Она по-прежнему не желала подавать Порте ни Умалейшего повода к нареканиюФ и видела почти идеальный способ избежать этого в употреблении Увсех пристойных, а в случае нужды и денежных средствФ к склонению турок на добровольный уход восвосяи с предоставлением им гарантий Уот всяких обид и озлобленияФ.

В рескрипте Екатерины II придавалось большое значение пропагандистской подготовке переезда Шагин-Гирея в Крым. Императрица считала необходимым посоветовать калге-султану обратиться к крымским жителям с манифестами, в которых звучала бы мысль, что он пришел дать им независимость, торжественно признанную двумя империями (Турцией и Россией) и самовольно отмененную УразвратителемФ Девлет-Гиреем, не желающим Уоставить потомкам своим сие драгоценное наследство в неприкосновенной целостностиФ.

Появлению Шагин-Гирея должны были предшествовать и сопутствовать другие организационно-подготовительные мероприятия, которые позволили бы обеспечить быстрый созыв в Бахчисарае Упубличного съездаФ для Упризнания нового самодержавного государяФ, Уни от кого не зависимогоФ.

Екатерина II была далека от того, чтобы настаивать на УклассическомФ способе свержения Девлет-Гирея. Она не имела ничего против предоставления ему возможностей уйти тихо и спокойно. Но, не испытывая к хану ни малейшего доверия, возражала против каких бы то ни было переговоров с ним, в ходе которых он мог ради сохранения власти пообещать России все что угодно.

План Екатерины II включал и другой немаловажный аспект, предполагавший отправку к турецкому султану и его военным чиновникам на Тамани и в Крыму официальных уведомлений о вступлении Шагин-Гирея в новую должность Ч должность независимого правителя, требующую от всех иностранных государств соблюдения его суверенитета. Это означало, что турки должны уйти Уиз Тамани и других татарских крепостейФ и Уотдать сии крепости в собственное его (Шагин-Гирея. Ч В.Д.) управление и стражуФ.

Рескрипт императрицы П.А.Румянцеву важен не столько своими конкретными предписаниями, сколько заметным в нем концептуальным сдвигом в подходе к русско-турецкому спору по крымскому вопросу. Екатерина II по-прежнему не расстается с надеждой избежать разрыва и готова по-прежнему не жалеть усилий для сохранения мира. Однако теперь она, под напором обстоятельств, вынуждена брать в расчет реальную перспективу войны и думать о практической подготовке к ней. Хотя рескрипт почти целиком посвящен проблеме политического разрешения русско-турецких противоречий, в нем есть и военно-стратегическая составляющая, содержащая принципиально новый акцент. Оставляя в силе свой приказ Ч ни в коем случае Уне задирать турковФ Ч императрица вместе с тем предоставила П.А.Румянцеву и его подчиненным гораздо большую свободу выбора тех или иных ответов на возникавшие угрозы.

Оружие, однако, оставалось для Екатерины II самым крайним средством, обращаться к которому она, несмотря на свою готовность к войне, очень не хотела. Помочь ей тут могло только благоразумие османского правительства. Именно к нему и решила апеллировать императрица через своего посланника в Стамбуле. Рескриптом от 13 января 1777 г. А.С.Стахиву было поручено объяснить с Портой предельно откровенно и сделать это Упод видом собственного вашего рассужденияФ, дабы не причинять ей многих неудобств, обычно порождаемых официальными дипломатическими демаршами.

Екатерина II предписывала напомнить султану, что до сих пор он так и не выполнил положений Кючук-Кайнарджийского договора по крымско-кубанскому вопросу, хотя регулярно получал от Петербурга соответствующие протесты. Императрица укоряла турок за нежелание оценить великодушие России, имевшей Ув прошлую войну всю удобностьФ присвоить Крым, но отказавшейся от законного военного трофея ради того, чтобы это ханство, обретя независимость, перестало быть источником Увзаимных между обеими Империями хлопот, остуд, разрывов и неприятельствФ.

Подчеркивая терпение России и ее усердие в стремлении сберечь Удрагоценный мирФ, императрица вместе с тем предупреждала, что Увсякому снисхождению есть пределФ и Уесли ныне дела не будут скоро и с точностью приведены в присвоенное им мирным трактатом положениеФ, то у Петербурга появятся все основания усомниться в доброй воле Порты и ее готовности соблюдать правила, принятые в общении между цивилизованными государствами.

А.С.Стахивеву дозволялось в конфиденциальном порядке намекнуть турецким министрам, что новая война, если Стамбул все же решится на нее, обойдется ему гораздо дороже.

Конечно, это был не ультиматум, а пока лишь оповещение об отказе России и дальше терпеливо выслушивать смехотворные объяснения о том, что османские войска находятся на Кубани вопреки официальному приказу уйти оттуда, а также мириться с военными приготовлениями Порты, сопровождаемыми активной политической работой ее эмиссаров в Крыму и на Тамани. Это было предложение тщательно взвесить последствия продолжения казуистической тактики уклонения не только от выполнения Кючук-Кайнарджийского договора, но даже от предметного обсуждения русских претензий.

Русский протезе

С приближением весны и появлением известий о скором переезде Шагин-Гирея с Кубани в Крым внутриполитическая обстановка в ханстве становилась еще более хаотичной. Русские разведчики доносили, что лояльная к России крымская знать нервничает и просит Прозоровского поспешить.

Девлет-Гирей оказался для России не таким уж простым препятствием, как может показаться при знакомстве с некоторыми оптимистическими сообщениями из Крыма. При всех своих колебаниях он отчаянно цеплялся за власть. И действовал весьма неглупо, опираясь на парадоксальную логику. Похоже, Девлет-Гирей избрал дерзкий, но при определенном стечении обстоятельств, возможно, и не безнадежный способ сохранения престола Ч посеять хаос, чтобы именно он стал мощной преградой на пути у русских и их ставленника. И если при этом еще что-нибудь случится с Шагин-Гиреем, то для России единственным спасением от полного расстройтва дел может оказаться компромисс с действующим крымским ханом.

Шансов на такой оборот событий, скорее всего, было немного, но они не равнялись нулю. С точки зрения политической стратегии Девлет-Гирей, конечно, находился в глубокой обороне, но он перемежал ее блистательными контрнаступлениями, где хороши были все средства. В конце 1776 Ч начале 1777 г. возросло количество ханских эмиссаров на Кубани, стремившихся ввести край Ув ссору и разорениеФ, то есть экспортировать туда политику, которую Девлет-Гирей проводил в Крыму.

Кое-что в поведении Девлет-Гирея было весьма загадочным или, по крайней мере, не поддающимся простым истолкованиям. В частности, в какой-то момент он вроде бы сделал вид, будто смирился со своей участью и даже готов подсказать Петербургу, как довести проект УШагин-ГирейФ до успешного завершения. Этот совет Девлет-Гирей давал не напрямую, а в виде Уутечки информацииФ из его ближнего окружения. Суть УподсказокФ была в следующем. Россия настолько могущественна, что может позволить себе выбрать самое простое решение Ч силой расчистить Шагин-Гирею дорогу к власти. Но этим она открыто утвердит за ним роль марионетки и дискредитирует его в глазах крымского общества. Другое дело, если он высадится в Крыму один, без сопровождения русских: тогда не останется таких, кто бы Уне был к нему усерденФ, и Удело в совершенство придетФ.

Девлет-Гирей фактически предлагал план собственного свержения. Но именно тут возникают подозрения. И главное из них вызвано ключевой идеей Девлет-Гирея: рядом с калгой-султаном не должно быть русских. А тогда жизнь соискателя бахчисарайского престола всецело зависела бы от того Ч кому и когда придет в голову положить конец Упроблеме Шагин-ГиреяФ старым испытанным способом.

В то же время Девлет-Гирей порой с блеском демонстрировал свою способность к дипломатической изворотливости. В письмах к русским генералам хан, неизменно сохраняя учтивый тон, заявлял, Учто между обеими Империями (Турцией и Россией. Ч В.Д.) заключенная союзная дружба по-прежнему крепка и ненарушима пребываетФ. Он прилежно изображал себя стойким приверженцем международных договоров, в частности, Кючук-Кайнарджийского, а русских укорял в нарушении его, но делал это в довольно мягкой и тактичной форме. Искусный в дипломатической риторике, Девлет-Гирей умел облечь свои протесты в пристойные формы, найти в которых даже намек на неуважение к России было сложно. Единственным, но при этом самым важным, что вызывало справедливое неудовольствие русской стороны, являлась твердая решимость Девлет-Гирея официально позиционироваться в качестве вассала султана, а это в корне противоречило последнему русско-турецкому мирному договору.

Русские генералы, как заметно по их переписке, старались в своих действиях учесть оставшиеся в распоряжении Девлет-Гирея морально-политические и военные ресурсы. Не исключено, что он попытался еще больше раскрутить маховик обычных крымских междоусобиц, чтобы направить их в русло противоборства между, условно говоря, проосманской и пророссийской партиями. В этой борьбе Петербург хотел победить бескровно или с минимальными потерями для обеих сторон, для чего требовалась тщательная подготовка Утриумфального въезда Шагин-Гирея в Крым. Серьезное внимание уделялось вопросу о материальном и моральном вознаграждении тех представителей крымской знати, которые помогут решить дело мирно, склонив Девлет-Гирея к добровольному уходу.

Шагин-Гирей проявлял крайнее беспокойство перед лицом перспективы Уповреждения начатых для его жребия дел в результате вполне вероятного открытого вмешательства Порты. Эта нервозность усиливалась давлением со стороны сторонников калги-султана, упрекавших его в бездействии и, возможно, подозревавших в малодушии.

К середине января 1777 г. благодаря целому ряду подготовленных екатерининскими генералами обстоятельств дорога Шагин-Гирея к бахчисарайскому престолу была в военно-политическом смысле практически свободна. Если раньше крымское общество (в лице его даже самой лояльной к Шагин-Гирею и России части) придерживалось осторожно-выжидательной позиции, то отныне внутри него стала заметна активная подготовка к встрече калги-султана и созыву народного съезда для избрания его ханом.

Между тем Шагин-Гирея не покидали опасения, что Крым не примет его, а русские настаивать не станут, отдав предпочтение поискам другого, не связанного с ним решения. Русские генералы всячески старались избавить Шагин-Гирея от страха и досужих подозрений, твердо обещая поддержку при любых обстоятельствах.

1 февраля 1777 г. все жители Таманского полуострова присягнули Шагин-Гирею, признав в нем Усамодержавного нашего хана и обязавшись Упринимать его повеления с послушанием и подражательно законам исполнять всякие дела с усердием. Среди присягнувших были представители черкесских племен натухайцы, шапсуги, абазины.

К этому же времени стало ясно, что Уполнейшая безурядица в крымских владениях и утрата Девлет-Гиреем почти всех властных рычагов в условиях анархии и раскола внутри правящей элиты не оставляли Екатерине II иного выбора, как помогать Шагин-Гирею, ибо других, более подходящих ставленников у нее не было. Проблема легитимности, по большому счету, уже никого не интересовала ни в Стамбуле, ни в Петербурге. Главное Ч найти хоть какую-то марионетку, способную направить необратимый процесс распада крымского государства в более или менее управляемое русло. Понятно, что каждая держава при этом хотела извлечь максимальную для себя выгоду из последствий такой политической катастрофы.

УНезависимость Крыма внешне создавала для России и Турции ситуацию Уравных возможностей и Учестной конкуренции. В этой конкуренции у Петербурга появлялись все более весомые аргументы. Русские войска держали в своих руках ключевые стратегические точки Крымского полуострова; Шагин-Гирей явно придерживался пророссийского курса; в крайне противоречивой картине внешнеполитических настроений местных элит и рядового населения, по свидетельству османских источников, все более заметными становились предпочтения в пользу России. Это был глубоко прагматический, житейский выбор, связанный с пониманием бессилия Порты и нежеланием рисковать своей жизнью и имуществом, воюя с русскими.

Девлет-Гирей оказался бессильным перед лицом бушевавшего в Крыму хаоса. В своих решениях он полностью отдался во власть ближайших советников, одни из которых предлагали ему бежать, другие Ч стоять до конца.

Девлет-Гирей во многом сам упростил задачу своему сопернику. Он давно порывался бежать, но не решался отчасти потому, что побаивался влиятельных людей из ближайшего окружения, которые расценили бы это как предательство, а отчасти потому, что до последнего надеялся на благоприятную перемену обстоятельств.

К весне 1777 года обстоятельства действительно стали резко меняться, но в безнадежном для Девлет-Гирея направлении. Хан посчитал благоразумным дальше не испытывать судьбу и в марте отправил в балаклавский порт все свое громадное имущество вместе с многочисленным гаремом. Русские войска Ч что весьма любопытно Ч помогли перевезти это хозяйство и погрузить его на суда, стоявшие в Балаклаве. В середине апреля Девлет-Гирей прибыл в Стамбул.

21 апреля 1777 года высшее собрание крымских сановников и знати торжественно провозгласило

Шагин-Гирей новым ханом, дав ему Уо своей преданности письменное за общими печатями обязательствоФ.

Версия о том, что Шагин-Гирей оказался на троне только благодаря русским штыкам, плохо согласуется с фактами. И прежде всего Ч с наблюдением, так сказать, пострадавшей стороны, то есть самого Девлет-Гирея, который, имея причины не любить Россию, все же отдает ей должное. Он, в частности, писал о достойном поведении русского войска на крымской территории, которое Уникого не трогает, хотя бы и кто задирает егоФ. Возможно, именно эта осмотрительность способствовала существенному расширению социально-политической опоры российского ставленника.

Однако Шагин-Гирей отнюдь не решил крымские проблемы. Если на пути к власти претендент вел себя расчетливо и благоразумно (кстати, не без влияния русских советов), то, заполучив власть, сделал все, чтобы ее потерять.

Видимо, не чуждый мании величия, он вообразил себя суверенным правителем и крупным реформатором и вопреки предостережениям русских военных и дипломатов затеял спешные и радикальные преобразования на европейский манер. Они Ч особенно учреждение регулярной армии и изменение системы налогообложения Ч легли тяжелым материальным и моральным бременем на крымское население.

Крымский мятеж: кто против кого?

В октябре 1777 года против Шагин-Гирея поднялся всеобщий бунт. Всего за несколько месяцев пребывания во власти хан умудрился восстановить против себя все крымское общество. Поняв свою ошибку, Шагин-Гирей принялся срочно рассылать манифесты, извещавшие об отказе от реформ и возвращении к старым обычаям. Но было поздно Ч ему уже никто не верил. В панике хан обратился за спасением к русским войскам.

Для Екатерины II трудно было придумать более нежелательного и более несвоевременного события. В перспективе она намеревалась решить крымский вопрос в свою пользу, но не раньше, чем созреют условия для этого, включая физическую готовность русской армии снова воевать с Турцией.

При сложившихся, точнее, созданных опрометчивым Шагин-Гиреем обстоятельствах, императрица считала совершенно неразумным форсировать процесс присоединения Крыма к России. Сейчас главным для нее было восстановление порядка и спасение своего незадачливого ставленника. Русские военачальники взяли Шагин-Гирея под защиту и принялись за чужую, неблагодарную работу по подавлению бунта.

Порте, напротив, подобное развитие ситуации было на руку. Султан Абдул-Хамид I (1774Ч1789 гг.) Ч каким бы трезвым умом он ни обладал Ч не мог не испытывать на себе мощное давление реваншистской партии при дворе. Объективная неготовность Турции к войне во многом теряла свое значение в качестве сдерживающего рационального аргумента для тех, кого события в Крыму ввергали в неотразимое искушение вмешаться со всей решительностью.

В Стамбуле не собирались уступать Крым ни России, ни кому-либо из ее ставленников. Турецкий Диван (совет министров) считал вступление Шагин-Гирея на ханство нарушением Кючук-Кайнарджийского договора. Порта решила уравновесить это обстоятельство созданием между Бугом и Днестром военно-политического плацдарма против Шагин-Гирея (а значит, и России). Османские эмиссары принялись за активную работу среди татарского населения Северного Причерноморья, для возбуждения которого много не требовалось, тем более теперь, в эпоху Увеликих реформФ.

Не менее интенсивная деятельность велась и на самом Крымском полуострове, где в декабре 1777 года высадился османский протеже Селим-Гирей III, некогда уже посидевший на ханском престоле и намеревавшийся вернуть его себе. Проблем с УизбраниемФ нового кандидата вообще не предвиделось: бунтующим уже было все равно, кого противопоставить продавшемуся гяурам

УвестернизаторуФ Шагин-Гирею.

В начале января 1778 года Диван принял решение отправить в Крым корабли с 80-тысячным десантом и сосредоточить 45-тысячный корпус янычар около Измаила. Поговаривали также о мобилизации 30 тысяч турецких солдат из Анатолии и 60 тысяч из Румелии.

Одновременно Порты подробно уведомила европейские державы о мотивах своих рискованных действий: она представила их как вынужденный ответ на вопиющие нарушения Россией УнезависимогоФ статуса Крымского ханства.

Все это было очень похоже на планомерную и вполне традиционную подготовку к войне. Однако вопрос Упротив кого именно?Ф предстает, по трезвом размышлении, не столь уж однозначным.

Напомним еще раз, что в это время Турция еще не восстановилась после поражения от России. Присутствия значительных турецких контингентов требовала опасная обстановка на границах с Персией, которой османы проиграли борьбу за Басру. Социально-экономическая и политическая ситуация внутри Османской империи была далека от благополучной.

Часть высших сановников в Стамбуле все это прекрасно понимала. К числу УпонимающихФ относился и султан. Хотя Абдул-Хамид I под влиянием реваншистов Увпал в разные сомненияФ (такими словами определяют его состояние источники), прямого столкновения с Россией он явно опасался. Но оставить без ответа обращенные к нему просьбы крымских оппозиционеров о помощи султан тоже не мог.

Выйти из этого крайне сложного положения Абдул-Хамид I попытался весьма затейливым и рискованным путем. В самом общем виде его стратегия сводилась к деликатной и трудно реализуемой задаче: посадить на бахчисарайский престол своего человека и заставить Россию не только смириться с этим, но и в дальнейшем строго соблюдать УнезависимостьФ Крыма в османской УтрактовкеФ. Именно с такой целью султан, по сути, бряцал оружием, в принципе не желая его применять.

Лишний раз об этом свидетельствует поведение османской армии. На протяжении 1778 года одна ее часть была сосредоточена в Суджук-кале, другая находилась на кораблях, стоявших на севастопольском рейде, третья Ч в Румелии. Все они (в совокупности около 90 тысяч человек, точных цифр нет) практически бездействовали.

Общую логику в действиях Турции проследить можно. Гораздо труднее понять, на что она реально рассчитывала. На готовность Екатерины II спокойно наблюдать за тем, как бунтовщики, при моральной или физической поддержке османских войск, будут свергать Шагин-Гирея? Или на то, что русская армия Ч от греха подальше Ч уйдет за Перекоп?

Если расчет строился именно на таких предположениях, то вскоре Порте пришлось убедиться в том, что они в корне ошибочны. Екатерина II уже ни при каких обстоятельствах не могла отречься от своего протеза, даже осознавая, что он ей во многом крайне неудобен. Уйти из Крыма под давлением Турции, опиравшейся на своих местных сторонников, для России было равносильно военному поражению.

До конца проникнуть в планы Порты не представлялось возможным. Отсутствие единства мнений в османской правящей элите заставляло колебаться и самого султана. Из Стамбула приходили противоречивые известия. То оттуда слышалось: УБудем воеватьФ, то УОстанемся в миреФ.

Уже само по себе присутствие османских сил на стратегически важных позициях (Суджук-кале, Тамань, Севастополь), откуда легко было атаковать Крымский полуостров, являлось вызовом для России и провокационным фактором для ее реальных и потенциальных противников среди местного населения.

Оставаться безучастным наблюдателем процесса реализации османских сценариев Екатерина II не собиралась. Русские войска взяли Шагин-Гирея под защиту и сравнительно быстро подавили мятеж. В феврале 1778 года Селим-Гирей III (которому, между прочим, было уже 66 лет) бежал на турецком фрегате в Синоп. Он имел все основания опасаться за свою жизнь, ибо по его наущению мятежники перебили почти всех родственников Шагин-Гирея.

Действуя против бунтовщиков решительно, Петербург вместе с тем проявлял исключительную сдержанность в отношении османских войск, чтобы лишний раз не провоцировать их на такое

вмешательство, при котором полномасштабной войны уже не избежать. В каком-то смысле это можно назвать политикой, позволявшей Порте сохранить лицо.

Тем не менее состояние военной тревоги сохранялось на протяжении почти всего 1778 года. За это время между русскими и турками случались довольно опасные инциденты, но они так и не стали детонаторами войны. Ей помешало не только тонкое и осмотрительное поведение Петербурга, но и ряд других обстоятельств. Среди них Ч Уне вовремяФ поднимающиеся жестокие штормы на Черном море, моровые язвы, внезапно поражавшие десантные войска, усиление реалистических тенденций в османском руководстве, где в конце концов возобладало мнение Улюдей, смотревших истине прямо в глазаФ.

Важное значение имело и изменение общеевропейского международного фона. К концу 1770-х годов, например, Франция Ч одна из главных вдохновительниц антиросийской политики Турции Ч была вынуждена заметно скорректировать свой курс в отношении Стамбула и Петербурга. Причина тому Ч резко обострившиеся англо-французские разногласия по поводу американских колоний, на фоне чего восстанавливать против себя Екатерину II Парижу не хотелось.

Благодаря расположению России также пытались заручиться Пруссия и Австрия, постоянно конфликтовавшие друг с другом. Для них центрально-европейские проблемы, в решении которых Петербург мог сыграть существенную роль, были гораздо весомее османских и крымских.

Однако турки в своих реальных военных приготовлениях, не говоря уже об официальной риторике и пропагандистско-провокационной деятельности в Крыму, Северном Причерноморье и на Северо-Западном Кавказе, уже зашли чересчур далеко. Настолько далеко, что теперь просто взять и бесславно отступить значило бы испытать унижение, очень похожее на поражение в настоящей войне. Поэтому Стамбул лихорадочно ищет компромиссный сценарий завершения военной тревоги 1778 года. Тут, впрочем, следует заметить, что компромисс в понимании османского руководства всегда являлся очень специфической категорией, зачастую лишенной своего обычного содержания.

Это стало совершенно очевидно в очередной раз, когда в августе 1778 года Порта вступила в предварительные переговоры с Петербургом об условиях урегулирования конфликта. Она начала их весьма странно для державы, желающей мира, Ч с уведомления, что Умы (османы. Ч В.Д.) готовы двинутьсяФ на помощь своим крымским единоверцам в ответ на их многочисленные просьбы. Русским войскам предлагалось не оказывать Усопротивления нашему приближениюФ, дабы не быть Упричиной долженствующих произойти отсюда дурных последствийФ. Сообщалось также, что Уцель Высокой Державы (Турции. Ч В.Д.) состоит лишь в умиротворенииФ, во имя которого ее армия должна занять Крымский полуостров в соответствии с Увысочайшим договором (Кючук-Кайнарджийским. Ч В.Д.)Ф, признающим, что все татарское население находится Ув духовном подданстве всеобщего калифатаФ во главе с турецким султаном. Иными словами, предложенный УкомпромиссФ предусматривал безоговорочное согласие России, если она не хочет войны, на полное восстановление османской власти и влияние в Крыму.

Петербург оказался в затруднительном положении. Решить проблему в известном смысле помогло чутье Екатерины II и ее сановников, догадавшихся, что османский УультиматумФ Ч это, скорее, жест отчаяния, чем прелюдия к военному наступлению.

Тем не менее найти обоюдоприемлемый выход из положения было непросто. Нельзя забывать, что события 1778 года разворачивались на виду у этнополитических элит и народов Крыма, Северного Причерноморья, Кавказа, Балкан. Следили за развитием ситуации и европейские кабинеты. Под этими пристальными взорами Россия просто не могла себе позволить спасти османскую честь за счет собственного унижения. Порта сама загнала себя в угол и теперь не знала, как выйти из него без моральных потерь. В некоторых местах турецкие и русские войска стояли друг от друга на расстоянии пушечного выстрела Ч любое неосторожное движение было чревато спонтанной эскалацией войны. Стамбул не мог проконтролировать каждый шаг своих военачальников, которые, между прочим, получили предписание: УЕсли от русских последует противодействие, то, положась на Бога и Пророка, приступить к завоеваниюФ.

Постфактум все выглядит так, будто Россия действительно нашла оптимальное решение. Недвусмысленно дав понять, что не пустит османские войска на Крымский полуостров, Петербург одновременно выразил полную готовность к мирному урегулированию конфликта. Екатерина II не стеснялась демонстрировать добрую волю и отсутствие желания ставить турок в безвыходное положение. Однако платить за сохранение мира непомерную цену она тоже не хотела.

Перестраховочная конвенция

После сложных дипломатических маневров, взаимного зондирования настроений высших властей и неисповедимых перипетий подковерной борьбы внутри стамбульской правящей элиты между Россией и Турцией начались полновесные переговоры. Результатом стала подписанная 10 марта 1779 года Айналы-Кавакская конвенция. По форме это было как бы пояснительное приложение к Кючук-Кайнарджийскому договору. По сути же Ч компромисс, свидетельствовавший о том, что обе державы пошли на уступки.

Трудно сказать, кто уступил больше, кто меньше, если учесть, что в подобных исторических ситуациях каждая сторона склонна считать себя недостаточно вознагражденной. В любом случае стоит сначала обратиться к содержанию главных статей конвенции.

Петербург соглашался руководствоваться в крымском вопросе сложившимися реалиями, в соответствии с которыми Унация татарскаяФ, хотя и объявлена Увольной и независимойФ, все же остается Уединоверной с туркамиФ. Поскольку это придает некую специфическую окраску османско-крымским отношениям, Российский императорский двор обещал Уне прекословить и не противиться всему тому, что необходимо нужноФ для сохранения духовно-религиозной составляющей в этих отношениях.

Речь прежде всего шла о древних инаугурационных ритуалах, сопровождавших восшествие очередного хана на бахчисарайский престол и предусматривавших предоставление инвеституры со стороны турецкого султана. Однако если раньше это была реальная санкция, наполненная глубоким политическим содержанием, то теперь в ней осталась лишь символическая часть. Отныне султан обязывался давать Ублагословительную грамотуФ Убез малейшего затруднения и отговоркиФ и ни под каким предлогом Уне касаться гражданской и политической власти татарских хановФ.

Несмотря на предельно четкое изложение данного условия, оно, тем не менее, повторяется еще раз в иной формулировке: Блистательная Порта отрекается Уот всех своих мирских прав на все орды, роды и племена татарскиеФ и Увновь обязывается оных никогда и ни под каким предлогом не возобновлять, но признавать татар вольною и независимую нациюФ. На случай возникновения в Крыму взрывоопасной ситуации Петербург и Стамбул дали друг другу гарантии невмешательства без Упредварительного и полюбовногоФ согласия.

За эти пункты конвенции Россия заплатила определенную цену. Она должна была вывести войска из Крыма, с Тамани, Правобережной Кубани и Уне вводить их туда вновь ни под каким видомФ. Аналогичное обязательство Турции имело меньшее значение, ибо она сохраняла свое военное присутствие на Черноморском побережье Кавказа южнее устья Кубани.

Петербургу пришлось признать, что власть Шагин-Гирея (то есть независимость) не распространяется на Очаков, прилегающие земли, а также на территории между Днестром и Бугом. Правда, Россия оговорила одно условие: Турция лишалась права превращать это пространство в сферу своего военного присутствия и допускать миграцию туда османских подданных.

Остальные положения конвенции касались подтверждения привилегий России в торговых и религиозных вопросах.

Еще раз повторим: этот документ можно оценивать по-разному, но так или иначе он заслуживает гораздо большего внимания, чем ему уделяется историками. Конвенция важна тем, что она ознаменовала завершение весьма острого русско-турецкого кризиса и на какое-то время разрядила обстановку. Порта была вынуждена совершенно внятно заявить о своем отказе от посягательств на независимость Крыма. России удалось отодвинуть перспективу новой войны на неопределенное время, чтобы лучше к ней подготовиться. Вывод русских войск из Крымского ханства, с одной стороны, лишал Петербург прежних военно-политических рычагов контроля, с другой Ч освобождал от обременительной необходимости обеспечивать там порядок и постоянно спасать Шагин-Гирея от последствий его необдуманных действий.

Вместе с тем Айналы-Кавакская конвенция, при всем ее УчистосердечномФ, УизъяснительномФ пафосе, при всех ее порой скрупулезных формулировках, не могла расставить все точки над і. В вопросе о границах независимого Крымского ханства (особенно восточных Ч Кубань, Черкесия)

конвенция была менее определенной, чем договор в Карасу и Кючук-Кайнарджийский договор. Она вызвала явное неудовольствие Шагин-Гирея, протестовавшего против любой формы зависимости от Порты и претендовавшего на статус суверенного государя.

Пытаясь обратить события 1778 года в свою пользу, хан по-прежнему вынашивал нереалистичные, гегемонистские, реставраторские планы и надеялся на беззаветную помощь России в их осуществлении. При этом он предпочитал не обременять себя ответными политическими обязательствами.

Как выяснилось, амбиции Шагин-Гирея простирались гораздо дальше того, о чем мог бы помышлять человек, способный к адекватной оценке собственного положения. Создается впечатление, что хан стремился к созданию Умаленькой Крымской империиФ, куда входили бы не только Северное Причерноморье (вплоть до слияния Прута с Дунаем) и вся Черкесия по обе стороны Кубани, но и Черноморское побережье Кавказа, включая Абхазию с Сухум-кале и другими укрепленными портами.

Отсутствие в Айналы-Кавакской конвенции пункта о соответствующих границах Крымского ханства вызвало у Шагин-Гирея возмущение. Попытки русских дипломатов (в том числе графа Н.И.Панина) успокоить пылкого мечтателя и вернуть его на землю были малоуспешными. Неимоверных трудов стоило уговорить хана соблюсти формальную процедуру, предусмотренную 2-м артикулом Айналы-Кавакской конвенции, и отправить в Стамбул своих официальных представителей для получения от султана Ублагословительной грамотыФ. Шагин-Гирей этим не ограничился. Он послал в Порту ходатайство о передаче под его власть буджакских татар (проживавших между Днестром и Дунаем), а также черкесских племен. Это было похоже на предложение вознаградить хана за его согласие унижить себя испрашиванием инвеституры у Уверховного калифаФ.

В Стамбуле сразу смекнули, что этот щекотливый вопрос нужно обсуждать не с делегатами Шагин-Гирея, а с русским посланником А.С.Стахиевым. В беседе с ним рейс-эфенди (министр иностранных дел) давал не лишнее здравого смысла объяснение в связи с отказом Порты удовлетворить притязания Шагин-Гирея на Черкесию. Суть его сводилась к следующему. Черкесские племена всегда были проблемой для Турции, Крымского ханства и России, поскольку Уэто народ сварливый и буйныйФ. Официально передать их под власть Шагин-Гирея Ч значит создать условия для того, чтобы внутричеркесские усобицы перекинулись через Керченский пролив и нашли выход в волнениях против хана. Это неминуемо повлечет за собой вмешательство Петербурга и Стамбула (чего, кстати, буква и дух Айналы-Кавакской конвенции в принципе не исключали) с вполне вероятной перспективой обострения русско-турецких отношений (Уи пойдут тогда разные дрязгиФ). Поэтому Порта сочла целесообразным вообще обойти черкесский вопрос молчанием.

Стахиев принял эти доводы. Видимо, Петербург, уже изучивший непростую натуру Шагин-Гирея и его амбициозные замыслы, не был уверен в необходимости чрезмерно расширять сферу ханской власти. Не понравилось русскому посланнику другое Ч очевидное стремление Порты скрыть от него содержание ее переговоров с крымскими делегатами. Причина стала ясной, когда обнаружилось, что смысл отправленной к Шагин-Гирею султанской благословительной грамоты мало чем отличался от прежних инвеститур, акцентируя подданство хана верховному калифу. Эта грамота также предполагала, что церемониал вручения ее Шагин-Гирею будет обставлен согласно древнему обычаю, символизирующему вассально-сюзеренный характер крымско-османских отношений. После решительного протеста Стахиева дело было поправлено, однако вопросы остались. Ответ на главный из них так и не нашелся: являлся ли этот инцидент следствием административного беспорядка в Порте или же результатом тонкой интриги Шагин-Гирея, сплетенной, чтобы поссорить две державы и извлечь из этого выгоду.

Как бы там ни было, с начала 1780 года заметны признаки сближения между Шагин-Гиреем и османским руководством, что, естественно, вызывало у Петербурга растущие подозрения. Чтобы рассеять их, хан демонстративно выказывает по отношению к Екатерине II смирение и почтительность, граничащие с самоуничижением. Так, он просит зачислить его в Петербургский полк хотя бы капралом, заявляя тем самым о намерении верой и правдой служить Ее Императорскому Величеству. Вместе с тем Шагин-Гирей стремится построить независимое государство и установить в нем порядок. Он хочет иметь все необходимые атрибуты суверенитета: прочную личную власть, административный аппарат, дееспособную армию, финансовую систему, экономику, государственные границы и т.д. Для достижения этих целей хан возвращается к идее радикального реформирования, УвестернизацииФ крымского общества, возлагая большие надежды на помощь России.

Попыткам внутренних преобразований сопутствовала активная УвнешняяФ политика. Основными объектами экспансионистских чаяний Шагин-Гирея были Черкесия и Северное Прикубанье. Не имея сил и способности для военного захвата этих территорий, он пытался установить там свое господство с помощью изощреннейших интриг.

Личность и деяния Шагин-Гирея получили противоречивые оценки у современников и историков. Одни считают его небесталанным правителем, другие — никчемным. Третьи пытаются найти между двумя этими крайностями более или менее объективную уравнивающую, и, возможно, они ближе к истине. Какое бы из этих суждений ни было верным, после 1779 года очевидным становилось одно: реальный ход событий и системообразующие векторы в исторической эволюции крымского вопроса практически не зависели ни от Шагин-Гирея, ни от любого другого персонажа на его месте. Именно объективные тенденции в российской имперской политике вообще и в русско-османских отношениях в частности превращали крымского хана из некогда весьма самостоятельного игрока в сугубо номинальную фигуру, статиста, обреченного безучастно наблюдать за стремительно разворачивающимся последним актом в долгой борьбе за Крым между двумя империями — поднимающейся и увядающей.

Возможно, Шагин-Гирею удалось бы продлить свою политическую жизнь, если бы он проявлял больше умеренности и реализма. Хан же, напротив, развил бурную деятельность и, вроде бы хитроумно лавируя между Стамбулом и Петербургом, в конце концов сделал все для того, чтобы стать крайне неудобным для обеих сторон по одним и тем же причинам.

Порту совершенно не устраивали черкесские планы Шагин-Гирея, и она даже предложила России оказать совместное давление на хана, чтобы принудить его к отказу от экспансии на восток. Турки не желали пускать кого-либо на территории к югу от устья Кубани. Они срочно укрепили свои форпосты Суджук-кале и Сухум-кале, развернув одновременно проосманскую агитацию среди черкесских и ногайских племен, чтобы не дать Шагин-Гирею (и, кстати говоря, России) переманить их на свою сторону. Принят был и ряд других мер: турецкий комендант в Суджук-кале Ферах-Али-паша породнился с шапсугским племенем, женившись на девушке из местной знатной фамилии. Он раздавал щедрые подарки влиятельным шапсугам, построил мечети и медресе.

И все же политика Порты в отношении Крымского ханства и Северо-Западного Кавказа зачастую была крайне непоследовательной, чтобы не сказать — бестолковой. Причина, конечно, не в отсутствии в османской правящей элите умных, трезвомыслящих и дальновидных людей, а в том духе склок, интриг, распрей, заговоров, который насковзь пропитал властную верхушку Стамбула. Порта легко и неожиданно переходила от политики сближения с крымским ханом к политике мобилизации против него населения Крыма и Северо-Западного Кавказа. Абдул-Хамид I был последователен лишь в одном — в нежелании признавать в Шагин-Гирее суверенного правителя. В частности, ханские представители, в отличие от послов независимых государств, не удостоивались султанских аудиенций, что являлось прозрачным намеком на вассальный статус Шагин-Гирея. Петербург прекрасно понимал подтекст этого незамысловатого приема и делал соответствующие представления османской стороне. Но тщетно.

Стамбул, как уже отмечалось, колебался между двумя соблазнами: либо приручить хана, либо с помощью народного восстания посадить на престол более послушного человека. В конце концов, османское правительство взяло курс на свержение Шагин-Гирея. Турецкие агенты в Крыму принялись за работу, которая параллельно велась и на Северо-Западном Кавказе.

Своими действиями Порта, как полагают турецкие историки, лишила Шагин-Гирея пространства для маневра и толкнула его в объятия России. Хану действительно ничего не оставалось, как просить Екатерину II защитить его от происков Порты. Причем он акцентировал, и не без основания, тот факт, что возникает реальная угроза интересам России. Выходившие из-под контроля события не дали императрице времени на раздумья.

Когда нет выбора: Манифест 1783 года

Шагин-Гирей с маниакальной настойчивостью продолжал свои вестернизаторские эксперименты в традиционалистском обществе, решительно отторгавшем чуждые ему новшества. Турецким эмиссарам не составило большого труда спровоцировать волнения среди крымского населения. Весной 1782 года они приняли широкий размах. Шагин-Гирей бежал из Бахчисарая и укрылся в керченской крепости. Мятежники избрали нового хана и послали в Стамбул делегатов за султанской благословительной грамотой.

Екатерине II снова пришлось спасать своего ставленника, точнее — всю стратегию России в

крымском вопросе. Русские войска вошли на полуостров и подавили восстание. Императрица вернула Шагин-Гирея к власти, как вскоре выяснилось Ч лишь для того, чтобы убедиться в своей ошибке. Хан, обезумевший от чувства мести, учинил беспощадную расправу над многими участниками бунта, тем самым дискредитируя прежде всего Россию, ибо к этому времени себя он уже дискредитировал окончательно. Разгневанная Екатерина II, видимо, избавившаяся от последних иллюзий относительно Упросветительско-гуманистической ориентации Шагин-Гирея, велела Уобъявить хану в самых сильных выражениях о ее решительном порицании массовых репрессий, подающих Упричины к новым бунтам и идущих Увразрез с политикой и видами русского правительства.

Догадавшись, что крымские события развиваются в неблагоприятном для нее направлении, Порты решила ответить на них наращиванием своих воинских контингентов в Суджук-кале, на Тамани и в низовьях Кубани, а также резкой активизацией антирусской пропаганды среди черкесов и ногайцев, многие из которых еще не сделали свой выбор между Турцией и Россией. Реально это могло означать, что Стамбул готовится к двум возможным сценариям. Либо турки, используя военные плацдармы на Черноморском побережье Кавказа, на Кубани и на Тамани, вторгаются в Крым и приводят в Бахчисарайский дворец своего ставленника, что чревато новой войной с русскими. Либо соглашаются на негласный или официальный раздел ханского наследства: Россия получает Крымский полуостров, а Турция Ч Тамань и земли по обе стороны реки Кубань.

Поскольку Екатерину II совершенно не устраивал первый из этих сценариев и во многом не устраивал второй, она оказалась перед необходимостью действовать быстро и решительно. УНезависимость Крыма оборачивалась для России громадной, дорогостоящей, перманентной взрывоопасной проблемой военно-материальной и морально-политического характера. Екатерина II и ее ближайшие советники опасались, что при отсутствии в российском Укадровом резерве другого, более подходящего ставленника Увторое пришествие Шагин-Гирея станет большой воронкой, куда будут постоянно утекать силы и деньги России. Политика, допуская расходы на содержание крымского хана в условиях пребывания его на осадном положении и непрекращающейся гражданской войны, исчерпала свой рациональный ресурс, перестала удовлетворять как стратегические, так и тактические планы Екатерины II. Ей в Крыму, помимо прочего, требовалась широкая социально-политическая опора, в деле формирования которой Шагин-Гирей превратился в очевидную помеху.

Крымские проблемы сплелись в gordiev узел, распутать который, тем более применявшимися до того методами, было уже невозможно. Во второй половине 1782 года Екатерина II решилась на радикальную меру, сообщив Г.А.Потемкину, что Унадобно помышлять о присвоении сего полуострова. Но прежде она хотела подготовить к этому крымское общество.

Императрица повелела Уупотребить все способы завести посреди татарских народов ближайшие связи и поселить в них доброхотство и доверие к стороне нашей, дабы потом, когда потребно окажется, удобно можно было их склонить на принесение Ее Императорскому Величеству просьбы о принятии их в подданство. Вполне естественную неприязнь крымцев к идее перехода под Угяюрскую власть, а также безусловно наличествовавшие проосманские настроения (зачастую перевешивавшие историческое недоверие к Порте) предполагалось нейтрализовать путем убеждения местных элит и рядового населения в том, что Екатерина II искренне желает спасти их Уот дальнейших мучительств и утеснений (со стороны Шагин-Гирея. Ч В.Д.) И это была правда, хотя, конечно, не вся.

В свете дальнейших событий можно с уверенностью утверждать: кроме данного обещания императрица припасла целый набор социально-политических средств для упреждения открыто враждебной реакции крымско-татарского общества.

8 апреля 1783 года был обнародован УМанифест Великой Императрицы Екатерины II о присоединении Крымского полуострова, острова Тамани с всея Кубанской стороны к России. Этот документ достоин пристального внимания не столько своей пропагандистской подоплекой, без которой он, с жанровой точки зрения, просто не мог обойтись, сколько обстоятельной мотивировкой причин решительных действий Петербурга. Манифест соединил в себе форму международно-правового акта и глубокое предметное, аналитическое содержание. Историк остается лишь пересказать этот текст, составленный так, что добавить к нему практически нечего.

Екатерина II начинает с напоминания о том, что еще в 1774 году Россия, чьи войска разгромили турок и заняли Крым, имела полное право оставить ханство в своих руках, но не сделала этого, чтобы оно перестало наконец быть источником Ураспрей и остуды в отношениях между Петербургом и Стамбулом. Однако надежды России не оправдались. Татарская независимость породила еще большие угрозы Утишине и безопасности южных российских окраин. Крымцы оказались не способными Уко вкушению плодов таковой свободы. Слепо Упреклоняясь на чужие внушения, они поднимали кровавые мятежи против своих законных правителей и принуждали Россию к вооруженному вмешательству, которое, во-первых, едва не привело к новой войне с Портой, во-вторых, стоило Петербургу Уне дешево.

Екатерина II подчеркивает настойчивость и последовательность России в политике сохранения татарской вольности, несмотря на то, что она приносила российскому государству огромные убытки и Употерю людей, которая выше всякой денежной оценки. Идти на это заставляла лишь вера в возможность вознаграждения России безопасным соседством с Крымом.

Императрица акцентирует еще один существенный момент. Петербург, по ее мнению, воспользовался только частью тех Усправедливых поводов к введению войск в УТатарскую область, которые крымское население подавало в изрядном количестве и в вопиющих формах и которые толкали Россию к Уприсвоению начальства над теми местами. Но всякий раз она осознанно жертвовала этими реальными возможностями ради Умира, тишины и устройства посреди Татар, ради Удоброго согласия и дружбы с Портою Оттоманскою.

Именно отсюда выводит Екатерина II свой заключительный аргумент. Он основан на известных положениях Кючук-Кайнарджийского договора и Айналы-Кавакской конвенции о том, что Петербург и Стамбул берут на себя Увзаимные обязательства о вольности и независимости Татарских народов, к коим относилось население не только Крымского полуострова, но также Тамани и Правобережной Кубани.

Если в начале манифеста Екатерина II ограничивается намеком на роль Учужих внушений в дестабилизации обстановки в Крыму, то затем она прямо обвиняет Порту в стремлении Уисправлять верховную власть на землях Татарских, в частности на Тамани (тогда это был остров) и сопредельных землях Северного Прикубанья. Между тем на эти территории, как и на историческую часть Крымского ханства, распространялись и Унезависимый статус, и взаимные русско-турецкие обязательства по соблюдению его. Екатерина II не преминула выразить в манифесте свое возмущение тем, что чиновник, официально назначенный османским наместником в Тамани и прибывший туда с войском, объявил местных жителей турецкими подданными и публично отрубил голову посланцу Шагин-Гирея, всего лишь передавшему Увопроснение хана о целях появления турок на острове.

Логично и последовательно разворачиваемая Екатериной II аргументация в конце концов воплощается в главную идею. Она проста: предпринимавшиеся Россией в течение многих лет высокочрезвычайные усилия, направленные на сохранение татарской независимости, Учтоб чрез сие исторгнуть все поводы к распрям, оказались по вышеуказанным причинам тщетными. Из этого следовало, что международно-правовые акты, касавшиеся Крымского ханства, доказали свою нежизнеспособность, и теперь они мертвы.

Исходя из данной реальности, Екатерина II объявляла о том, что провалившийся эксперимент с суверенизацией Крыма Упоставляет Нас (императрицу. Ч В.Д.) во все те права, кои победами Нашими в последнюю войну приобретены были и существовали в полной мере до заключения мира (в 1774 году. Ч В.Д.). Далее идут слова о Ублагех, Увеличии и Убезопасности отечества, во имя которых Екатерина II вынуждена прибегнуть к Усредству, навсегда отдаляющему неприятные причины, возмущающие вечный мир, между Империями Всероссийскою и Оттоманскою заключенный. И, наконец, главное: УЕрешились Мы (Екатерина II. Ч В.Д.) взять под державу Нашу полуостров Крымский, остров Тамань и всю Кубанскую сторону (то есть Ч правый, северный берег реки. Ч В.Д.).

Стремясь упредить возможную негативную реакцию татарского общества на Уперемену их бытия, Екатерина II гарантировала Усвято и непоколебимо за Себя и Преемников Престола Нашего свободу вероисповедания, охрану и защиту верующих, неприкосновенность традиций, обрядов, культовых заведений, имущества. Было также обещано уравнивать население бывшего Крымского ханства в правах и преимуществах с подданными Российской империи. Причем местная элита получила ясный намек на то, что ее прежний социальный статус непременно будет преобразован в соответствующий внутримперский аналог.

В заключительных строках манифеста Екатерина II выразила надежду на Уверность, усердие и благонравие новых наших подданных, которые смогут по достоинству и с благодарностью оценить все неоспоримые выгоды Усчастливого своего превращения из мятежа и неустройства в мир, тишину и порядок законный.

Историки, склонные подчеркивать пропагандистскую риторику и оправдательную тональность екатерининского манифеста, тем самым игнорируют очень важную его составляющую Ч его конкретное текстуальное содержание, весьма адекватно отражавшее реальную подноготную процесса присоединения Крыма к России. В этом смысле Унеправды в манифесте не было. Другое дело, что Екатерина II, поставившая перед собой крупную геополитическую задачу (обзаведение полноценной стратегической позицией, обеспечивавшей безраздельное господство в Северном Причерноморье), рано или поздно все равно довела бы ее до логического конца вне зависимости от ситуации в Крыму. Стремительное и угрожающее для России (и русско-турецких отношений)

развитие этой ситуации лишь ускорило развязку по сценарию, который Екатерина II, безусловно, держала в голове, но при иных обстоятельствах, возможно, не стала бы спешить с его реализацией.

Поэтому в принципе нет ничего удивительного в относительно спокойной реакции Порты на екатерининский манифест. Абдул-Хамид I понимал, что сопровождавшийся Уполнейшей безурядицей процесс распада крымской государственности достиг кульминации. Покончить с этим мог лишь кто-то извне — либо Петербург, либо Стамбул, и только одним способом — упразднением ханского Усуверенитета как фиктивного и вредного института, ставшего необратимо злокачественным источником и экспортером хаоса за пределы Крыма.

Есть основания полагать, что Абдул-Хамид I сам помышлял о разрушении этого гордиева узла. Однако его попытки опередить Екатерину II (главная из которых предпринята в 1778 году) были не очень убедительны из-за страха перед войной с Россией и неблагоприятной для Порты международной конъюнктуры.

Все это придавало Екатерине II дополнительную решимость. Взяв инициативу в свои руки, императрица в какой-то степени помогла султану (на тот момент, по крайней мере), избавив его от все более невыносимой крымской ноши. С этим, видимо, и нужно связывать молчаливое согласие Абдул-Хамида I на присоединение к России Крыма и прилегающих к нему земель. Порту, похоже, настолько изнурил материально и морально Увечный крымский вопрос, что она была вынуждена принять один весьма спорный с международно-правовой точки зрения аргумент екатерининского манифеста. Ведь там, по сути, говорилось о возвращении России Узаконных прав на Крым, приобретенных силой оружия в ходе последней русско-турецкой войны. Однако эти Управы плохо согласовывались с тремя международными договорами (одним русско-крымским 1772 года и двумя русско-османскими 1774 и 1779 годов), провозглашавшими Крым независимым.

Впрочем, оправданием для Петербурга служит один немаловажный факт. Политические элиты и рядовое население Крыма, Тамани, Правобережной Кубани в апреле 1783 года принесли верноподданнические присяги Екатерине II, признав тем самым законность ее манифеста и свое согласие войти в состав Российской империи. Это был своеобразный всенародный референдум, показавший не столько великую любовь к иновеческой державе, сколько огромную надежду на прекращение кровавой анархии в Крымском ханстве.

Между тем весьма непредвиденной и досадной помехой для России стал, как ни странно, Шагин-Гирей, обязанный ей всей своей политической карьерой, всем своим немалым состоянием, а в ряде моментов жизнью. Полностью утратив социальную опору и чувство реальности, хан судорожно цеплялся за малейшую, самую призрачную надежду сохранить власть. На по-человечески очень заботливое предложение Екатерины II переселиться в Россию, чтобы оказаться на ее щедром пожизненном попечении, он ответил бегством в Тамань, где затеял очередную интригу с целью поднять свое значение в глазах Петербурга и Стамбула, заставить их соперничать между собой за возможность получить от него Уважные услуги. Вероятно, он хотел выторговать для себя остров с примыкающими к нему территориями в качестве пожизненной или наследственной вотчины-синекуры.

Не найдя необходимой поддержки на Тамани, Шагин-Гирей отправился искать ее у закубанских черкесов. Но и там у него ничего не получилось. Целый год понадобился Екатерине II, чтобы открыть своему строптивому протеже глаза на реальное положение вещей и уговорить поселиться в России. Шагин-Гирея разместили в Калуге, где он ни в чем не нуждался. Однако хан не оценил предоставленной ему возможности наслаждаться жизнью и, скорее всего, вообще не понял, от какой перспективы был спасен Екатериной II. Во всяком случае, отплатил он ей неблагодарностью. Жаждавшему деятельности Шагин-Гирею Калуга быстро наскучила. В поисках поприща, достойного его явно завышенных представлений о самом себе, бывший хан вступил в тайную переписку с Портой и одновременно попросил Екатерину II о дозволении уехать в Турцию. Возможно, таким способом он хотел заслужить прощение султана и проложить себе путь к почетному возвращению в Стамбул и новым карьерным перспективам. Но не исключено и то, что он, как уже бывало прежде, просто блефовал. Предположить это позволяет сильное огорчение хана в связи с полученным согласием Екатерины II. На подобную реакцию он не рассчитывал, ожидая, скорее всего, уговоров, отступных, Усерьезных предложений и т.д.

Так или иначе, Шагин-Гирею ничего не оставалось, как покинуть Россию. Поначалу турки встретили хана, как и обещали, Уласково и предупредительно, со Увсяческим почетом и вниманием. Затем Порты, по словам В.Д.Смирнова, Уковарно изменившая долгу гостеприимства, сослала своего Ублудного сына на остров Родос и там казнила. Шагин-Гирей сам, без чьей-либо помощи, привел свою недолгую сумбурную карьеру к закономерному финалу.

В Стамбуле все спокойно

Шагин-Гирей был не самой большой проблемой для Петербурга. Манифест Екатерины II вызвал неоднозначную реакцию в крымско-татарском обществе. Часть его, как уже отмечалось, присягнула России. Другая предпочла переселиться в пределы Османской империи (за Днестр). Третья (в основном кубанские татары и ногайцы) колебалась, но под влиянием того же Шагин-Гирея начала боевые действия и против российских войск, и против татар, лояльных к России.

Командующий стоявшим на Кубани корпусом генерал А.В.Суворов пытался погасить бунт дипломатическими способами, не раз обращаясь к местным мурзам с умиротворительными увещеваниями. Тщетно. В августе-сентябре 1783 года татарские предводители организовали ряд довольно мощных атак на русские укрепленные посты. Тогда А.В.Суворов, получивший от князя Г.А.Потемкина повеление действовать решительно, в середине октября подавил все очаги сопротивления. Победенным была предоставлена возможность поселиться в Западном Предкавказье, включая Азовское побережье.

Теперь предстояло решить в определенном смысле самый важный вопрос — добиться официального признания Портой Манифеста о присоединении Крымского ханства к России, чтобы тем самым придать ему международно-правовую силу. Против ожиданий, эта задача оказалась не такой уж сложной по причине, которая заслуживает того, чтобы напомнить о ней еще раз.

Турция и Крым изначально были друг для друга и союзниками, и большими проблемами. С течением времени взаимной пользы от вассально-сюзеренных отношений становилось все меньше, а обоюдного вреда от нараставших противоречий все больше. Порты вообще и Абдул-Хамид I в частности устали от крымского вопроса, а бахчисарайские ханы — от постоянной необходимости вести напряженную борьбу за расположение султана. Острота и безысходность ситуации, с точки зрения глубинных причин, обуславливались тем, что динамика распада так и не созревшей крымской государственности получила дополнительный, фатальный импульс в связи с уже принимавшим необратимые формы процессом увядания государственности османско-имперской. Наслаиваясь друг на друга, эти явления создавали эффект взаимоиндуцирования. Крым объективно стал для Османской империи балластом, от которого требовалось избавиться, чтобы продлить свое существование.

Начиная с поражения в войне 1768-1774 годов, турки лицом к лицу столкнулись с приобретающей все более неотложный характер проблемой поиска оптимального соотношения между размерами своей империи и реальными возможностями ее содержания. Весьма показательны: первые признаки понимания Портой того факта, что Османская империя перегружена лишними, чрезмерно отдаленными и поэтому дорогостоящими с точки зрения обороны территориями, появились в начале XVIII века. Уже тогда, как полагают современные исследователи, турецкое руководство рассматривало северо-западные имперские территории как разменную монету в османско-европейских отношениях. Существует также мнение, будто в 1739 году Порты была готова пожертвовать Крымским ханством в пользу России, но сама Россия тогда еще не созрела для такого приобретения.

Так это или нет, но в 1783 году Абдул-Хамид I не позволил себе никаких достойных внимания Петербурга протестов против манифеста Екатерины II. Нельзя вместе с тем сказать, что решение о присоединении Крыма легко далось Екатерине, несмотря на всю последовательность и масштабность ее южной геополитической стратегии. Императрица была явно против такого решения в 1774 году и достаточно долго колебалась после этого, прекрасно понимая разницу между уровнем своей ответственности за сохранение стабильности в соседнем, пусть лишь формально независимом государстве и своим монаршим долгом поддерживать аналогичное состояние уже на собственной имперской окраине.

Учитывая всю совокупность фундаментальных факторов прежде всего жесткого геополитического характера, упрекать Екатерину II в отсутствии альтруистического желания тратить немислимые силы и средства на реанимацию нежизнеспособного и непредсказуемого государства просто глупо. В конце концов, ей пришлось сделать единственно возможный вывод из исторического опыта, свидетельствующего о том, что курс на строительство и бесконечный ремонт УнейтральныхФ и УнезависимыхФ барьеров между Российской и Османской империями исчерпал свой конструктивный капитал.

28 декабря 1783 года в Стамбуле (Константинополе) представители России и Турции подписали

договор, санкционировавший переход Крымского ханства под юрисдикцию Петербурга. Официальной границей между двумя империями провозглашалась река Кубань.

После нескольких десятков лет мучительного умирания Убольного человека Северного Причерноморья, у ора которого врачеватели постепенно вынуждены были превратиться в душеприказчиков, крымское государство в качестве политического субъекта ушло в небытие безвозвратно.

Слово историкам

Разбираться в причинах этой смерти историки будут еще очень долго и далеко не всегда глубоко, профессионально, непредвзято. Кто-то найдет врожденно-органическую патологию, не оставляющую шансов на иной исход. Кто-то будет развивать тему о стечении роковых случайностей, о шансах на Уисторический прорыв к подлинной независимости Крымского ханства, о Увеликом вестернизаторе Шагин-Гирее, о коварной России, подрубившей на корню перспективы строительства национального государства и т.д. Однако это уже область изучения вероятного, но не случившегося, и тут что-либо проверить или доказать невозможно.

Больше смысла в том, чтобы поразмышлять над другими историографическими веяниями нашего времени. В частности, над тезисом, что присоединение Крымского ханства являлось геополитическим излишеством для России, вторгавшейся в чуждое и ненужное ей цивилизационное пространство. Ряд современных исследователей упрекает Российскую империю в неспособности ограничить себя разумными пределами, а российский империализм в утрате чувства меры. Утверждается, что захвату Крыма нет никакого оправдания ни с точки зрения Умеждународного (иногда добавляется Ч современного. Ч В.Д.) права(!), ни с точки зрения морали. А мысль о Укупеческо-разбойном характере южной политики России вообще выглядит анахронизмом, извлеченным на свет из идеологического и терминологического арсенала школы М.Н.Покровского.

Невольно возникает ощущение, что ученым, представляющим это историографическое направление, страшно не повезло с предметом изучения Ч историей Российской империи, уникальной и неповторимой в своей агрессивной жестокости, безнравственности, алчности. Некоторых исследователей настолько увлек этот Уособый, Упатологический случай мировой истории, что они совершенно потеряли профессиональный интерес к моделям поведения на международной арене других держав. А когда такой интерес вдруг возникает, то вместе с ним появляются очень стройные объяснения мотивов западноевропейской колониальной экспансии. Выясняется, что существуют объективные, жесткие геополитические, экономические, престижные, династические и пр. императивы, вынуждавшие великие державы завоевывать гигантские заморские территории. Была еще и Увысокая цивилизаторская миссия, осуществлявшаяся Уподвижниками, которые уничтожали на своем пути всех (а их было большинство), кто оказывал сопротивление, не понимая жертвенного подвига Убелого человека, несущего свет веры, разума и просвещения первобытным туземцам.

Вся эта мотивация куда-то внезапно исчезает, как только речь заходит о ее приложении к истории внешней политики России. Сущность данного процесса Ч многовекового по протяженности и сложнейшего по содержанию Ч предпочитают проверять на сугубо нравственном оселке на предмет строгого соответствия таким категориям, как Умораль, Угуманизм, Усправедливость и Ч самое несуразное Ч Унормы современного международного права.

Не найдя никакого соответствия, некоторые служители Клио заставляют ее выносить единственно возможный приговор: внешняя (и внутренняя) политика России Ч это опасная историческая aberrация, продолжающаяся и по сей день. Примечательно, что критике подвергаются даже высказывания ученых, широко известных своими русофобскими Услабостями, когда они пытаются хотя бы на какой-то момент освободиться от предрассудков в отношении России. В частности, Уклассикам марксизма не прощается утверждение, что Петр Великий Узахватил лишь то, что было абсолютно необходимо для нормального развития страны, а также мысль о Упрогрессивной роли России на Востоке.

Из всего этого можно сделать по крайней мере один общий вывод: между слепым оправданием той

международной политики, к которой принуждали Россию объективные обстоятельства, и априорным осуждением всех ее действий существует широкое, во многом неосвоенное поле для плодотворного поиска спокойных, взвешенных, по возможности деидеологизированных подходов к сравнительно-историческому изучению формирования феномена Российской империи. История падения Крыма Ч лишь один из показательных фрагментов этой необъятной темы.